

Н. Келлер
2/IV 88.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ С. Я. НАДСОНА.

C. Hagecome
Sept 1886.

Nadson, S. A.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ

(1883—1886)

С. Я. НАДСОНА.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ
И УЧЕНЫМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, № 39).

1887.

PG 3467

N2A16

Въ настоящемъ изданіи собраны всѣ журнальныя статьи С. Я. Надсона, за весьма немногими исключеніями. Первые двѣнадцать критическихъ фельетоновъ, помѣщаемыхъ въ этой книгѣ, появились въ кievской газетѣ «Заря», журнальнымъ обозрѣвателемъ которой С. Я. Надсонъ состоялъ съ мая по сентябрь 1886 г. Рецензіи о гг. Оммулевскомъ, Случевскомъ и графѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ были первоначально помѣщены въ библиографическомъ отдѣлѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1883 и 1884 г. Статья: «Поэты и критика» явилась на страницахъ «Еженедѣльнаго Обозрѣнія» въ январѣ 1884 г., а «Замѣтка по теоріи поэзіи» найдена въ посмертныхъ бумагахъ поэта и не появлялась еще нигдѣ. Статьи эти, заключаая въ себѣ нѣкоторыя біографическія подробности, вмѣстѣ съ тѣмъ дополняютъ литературную фізіономію такъ рано угасшаго поэта, выражая взгляды его на искусство и печать и требованія, которыя онъ предъявлялъ къ нимъ.

ЖУРНАЛЬНЫЯ ОБОЗРѢНІЯ.

I.

(Мелочи.—Стихотворенія Аксакова).

Не знаю, право, какъ это случается, но стоить мнѣ на пять минутъ заглянуть за чѣмъ-нибудь въ книжный магазинъ, или даже только остановиться передъ его выставкой, — и я тотчасъ-же дѣлаюсь обладателемъ цѣлой массы книгъ, приобретаю которыя никогда раньше мнѣ и въ голову не приходило. Такъ было со мной и въ послѣдній мой прїѣздъ въ Кіевъ: увидалъ за окномъ магазина только что вышедшую брошюрку о Буддѣ, зашелъ ее купить, — и увезъ съ собой въ деревню огромный ворохъ печатной бумаги. На этотъ разъ попались все больше поэты: очень ужъ чисто и красиво стали они издаваться въ послѣднее время; я рѣшительно не нашелъ въ себѣ мужества отвѣтить отказомъ на вкрадчивую услужливость приказчика.

Въ деревнѣ, между тѣмъ, за мое недолгое отсутствіе произошли большія перемѣны. Въ первый разъ въ жизни доводится мнѣ встрѣчать весну въ томъ

благословенномъ краѣ, гдѣ «все обилѣемъ дышитъ, гдѣ рѣки льются чище серебра, гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ, въ вишневыхъ рощахъ тонуть хутора»,—и, надо сознаться,—болѣе красивой, задушевной, нарядной весны мнѣ не приходилось видѣть, хотя я странствовалъ немало. Какіе тѣнистые, уютные уголки образовались въ саду! Какъ мягко заткала узорная, молодая, благоухающая зелень недавніе просвѣты! И на тонахъ и полутонахъ этой зеленой гаммы, то здѣсь, то тамъ, какъ невѣста въ вѣнчальномъ нарядѣ, мелькаетъ, осыпанная кружевомъ цвѣта, струящая томительный аромат черемуха. До книгъ-ли кажется? Какая книга скажетъ столько, сколько говорить эта лазурь неба, эта даль полей, эта глушь сада?.... Но горожане неисправимы: вдоволь налюбовавшись окружающей меня красотой, я забралъ мое новопріобрѣтенное богатство на любимую скамейку, у пруда, обставленнаго тополями,—и вотъ снова острый, специфическій запахъ печатной бумаги защекоталъ мое обоняніе.

Скажу два слова о брошюркѣ Шюрэ. Вотъ ея полное заглавіе: *Сакія-Муни(;)древній мудрецъ (легенды о Буддѣ), соч. Шюрэ*. Не смотря на свой небольшой объемъ (43 страницы), брошюрка очень и очень стоить вниманія и явилась какъ нельзя болѣе кстати, въ виду интереса къ буддизму, овладѣвшаго въ послѣдніе годы нашимъ обществомъ.

Читателя, желающаго солидно ознакомиться съ

догматической и философской сторонами учения Будды, мы отошлемъ къ другому, болѣе специальному и научному сочиненію по этому вопросу: «*Будда, его жизнь, ученіе и община*, соч. Олденберга, 1884 года». Шюрэ имѣлъ въ виду другую цѣль: онъ собралъ въ одну полную и яркую картину подлинныя легенды о жизни Будды, главнымъ образомъ обративъ вниманіе на психологическую сторону вопроса,—на то, какимъ образомъ и подъ влияніемъ какихъ обстоятельствъ сложилась у Сакія-Муни его философія. Небольшое вступленіе знакомитъ читателя съ литературой предмета и выясняетъ культурное значеніе Индіи въ исторіи человѣчества. Затѣмъ идетъ увлекательный, связный рассказъ, пересыпанный перлами народной поэзіи. Интересъ читателя не ослабѣваетъ ни на минуту до послѣдней страницы, и ему становятся понятными слова Гете; приводимыя въ предисловіи: «Хочешь-ли ты весеннихъ цвѣтовъ и плодовъ? Хочешь-ли ты опьяняющихъ благоуханій и питательныхъ яствъ? Хочешь-ли ты, однимъ словомъ, обнять небо и землю?—Я называю тебѣ Сакунталу, и я все этимъ сказалъ». Слова эти вполне примѣнимы и къ тѣмъ легендамъ, на которыхъ построилъ Шюрэ свой рассказъ.

Совсѣмъ другою жизнью,—трезвой, реальной, будничной,—вѣетъ со страницъ недавно вышедшаго *Сборника стихотвореній И. С. Аксакова*. Небольшая, изящно отпечатанная, книжка эта разослана

была подписчикамъ «Руси» по смерти ея редактора. Такъ-называемый «средній читатель», слѣдящій за общественной жизнью по одной, много по двумъ газетамъ, врядъ-ли отдастъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, какую роль сыгралъ покойный публицистъ въ исторіи русской культуры и политики. Недавняя смерть Аксакова и вызванный ею нестройный газетный гамъ не очень помогутъ ему ориентироваться,—слишкомъ много подняли они личного, мелкаго, специально газетнаго. Если въ обществѣ нашемъ находятся люди, смѣшивающіе направленіе «Руси» съ направленіемъ г. Каткова,—нѣтъ ничего удивительнаго, что найдутся и такіе, которые запишутъ Аксакова въ ряды такъ-называемыхъ «народниковъ». На самомъ дѣлѣ, славянофильство, не всегда ясно ставящее свои идеалы даже для своихъ сторонниковъ, точно маятникъ въ часовомъ механизмѣ, въ однихъ общественныхъ вопросахъ откачивалось направо, въ другихъ—налѣво. Рамки рецензій не позволяютъ намъ дольше остановиться на этомъ вопросѣ, но, къ счастью, это и не является существенно необходимымъ для сужденія объ Аксаковѣ, какъ о поэтѣ: въ лучшей части сборника Аксаковъ является очень мало славянофиломъ,—а мы поставили себѣ задачей останавливать вниманіе читателя, главнымъ образомъ, на положительной сторонѣ разбираемыхъ произведеній.

Къ сожалѣнію, нужно сознаться, что количественно слабыя вещи перевѣшиваютъ дѣйствительно

удачныя пьесы. Мистерія «Жизнь чиновника» рѣшительно не выдерживаетъ критики. Юморъ вообще несроденъ таланту Аксакова, а основная мысль мистеріи, по нашему мнѣнію, не стоить поэтической формы. Она заключается въ томъ, что сухой, бумажный бюрократизмъ, не принося никому пользы, только напрасно губить лучшія силы духа тѣхъ, къмъ онъ зазладѣваетъ. Мистерія написана тяжелымъ, грубымъ стихомъ и очень растянута. Впрочемъ, недостатки ея нѣсколько извинительны, такъ какъ Аксакову, когда онъ писалъ эту вещь, было только 19 лѣтъ. Неудачной вещью считаемъ мы и другую крупную пьесу сборника: «Зимняя дорога». Авторъ называлъ ее *licentia poetica*,—вѣроятно, за оригинальную форму, которую онъ ей придалъ. Въ этомъ полуфантастическомъ и несвязномъ произведеніи онъ заставляетъ говорить старый домъ, тарантасъ, двухъ пріятелей, невидимые голоса, и пр. и пр., изъ чего образуется порядочный сумбуръ. Герой пьесы умудряется какъ-то вывести изъ всего этого обычную народно-славянофильскую тенденцію, но выводъ его для читателя является страннымъ и немотивированнымъ. Зато въ третьей крупной вещи сборника, въ поэмѣ «Бродяга», попадаются страницы, написанныя рукой истиннаго художника. Сюжетомъ поэмы служатъ незамысловатые похождения нѣкоего Алексѣя, бѣжавшаго изъ роднаго села. Лучшія строки поэмы—описательныя. Аксаковъ рисуетъ природу нѣсколько сухо, но прав-

диво, реально, жизненно. Отрывки из поэмы: «Всенощная въ деревнѣ», «Шоссе и проселокъ» и «Ночь» («Жаръ свалилъ, повѣяла прохлада») вошли во всѣ христоматіи. Есть, впрочемъ, и неудачныя мѣста, Вотъ, напр., описаніе наружности героя: *«Что онъ, каковъ? Лицемъ не очень смуглый, ростъ семь вершковъ и подбородокъ круглый; носъ невеликъ; особенныхъ примѣтъ не указалъ бы паспортный билетъ. Темноволосъ; лѣтъ 20; худъ немножко. Матвѣевъ сынъ и звать его Алешка»*. Это именно «паспортный билетъ», а не художественное описаніе. Есть въ сборникѣ еще небольшой отдѣлъ—это стихотворенія, написанныя въ селѣ Варваринѣ, куда удался Аксаковъ въ 78-мъ году, послѣ постигшей его административной кары. Настроеніе его въ этихъ пьесахъ является нѣсколько двойственнымъ. Съ одной стороны, онъ весь еще полонъ увлеченія и пыла недавней борьбы, съ другой—деревенская природа, дружба и покой мало-по-малу завладѣваютъ уже его душой. Въ этихъ стихотвореніяхъ тоже попадаются недурныя описанія природы. Вотъ одно изъ нихъ: *«Рѣки серебряный извивъ, блестящій въ муравь зеленой; по зыбкимъ скатамъ желтыхъ нивъ бродящей тѣни переливъ и роцей (?) сумракъ отдаленный... Виднѣются (?) села... Здѣсь и тамъ сверкаетъ крестъ, бѣлѣетъ храмъ. Куда ты взоръ ни обратишь, какая ширь!... Какая тишь!...»* Но и въ этомъ красивомъ отрывкѣ стихъ нельзя признать безупречнымъ.